

Глава 8. Построже старой няньки

—

Когда Чэнь Ху и его люди были выпровожены, полдень уже миновал. Небо, до этого затянутое тучами, вновь прояснилось, и выглянуло солнце. Погода в этих краях была на редкость капризной и непредсказуемой.

Тетушка Ли, закончив у плиты, робко подошла спросить, когда подавать обед. Дуань Янь велел сначала отнести все в комнату Сун Фэнсуя.

Получив приказ, она налила пиалу наваристого супа из тофу и рыбы, приготовила на пару чашу нежного яичного крема и добавила к этому две тарелки сочных, мелко нарезанных овощей — все блюда были приготовлены без лишних специй.

Хотя порции мяса и овощей были небольшими, на столе в итоге выстроилось несколько разных блюд.

Сун Фэнсуй поздно позавтракал и, по правде говоря, не был голоден. Однако, когда еду принесли и он увидел, что выглядит она вполне аппетитно, он все же сел за стол и взял палочки.

Из-за недавней выходки Чэнь Ху он не собирался устраивать сцен и отказываться от пищи. Подобное детское упрямство еще водилось за ним в столице, когда ему было лет шестнадцать-семнадцать, но после разорения семьи и долгого пути в ссылку все эти капризы давно стерлись.

Ань-гэр, видя, что молодой господин согласен поесть, поспешно взял ложку и принялся накладывать ему яичный крем, виновато проговорив:

— Это моя вина, что я не уберег вас и оставил одного перед этими громилами.

Сун Фэнсуй принял пиалу из рук Ань-гэра, и его лицо на мгновение смягчилось:

— Как можно винить тебя в этом?

Этот гэр пришел в дом только первый день, ничего толком не знал, но не побоялся заступиться и так рьяно защищал его. Это уже стоило многого.

Он не удержался от вопроса:

— Я видел, что ты ничуть не испугался Чэнь Ху и держался очень уверенно. Чем ты занимался прежде?

— Раньше я прислуживал в уездном доме одного чиновника, — ответил Ань-гэр. — Но потом имущество хозяев конфисковали, а слуг распродали. Мне повезло, и в этот раз меня приметил господин Гоу.

Сун Фэнсуй на мгновение замер. Ему невольно вспомнились слуги его собственного дома, которых после ареста деда точно так же угнали и распродали. Бог весть, где они теперь и улыбнулась ли им удача попасть к порядочным людям.

Он тихо обронил:

— Вот оно что. Теперь понятно, почему ты не растерялся.

С этими словами Сун Фэнсуй отправил в рот ложку яичного крема, и вкус птицы тут же приторным шлейфом осел на языке.

Он слегка поджал губы и, едва сдерживая отвращение, с трудом проглотил еду. Чтобы перебить этот привкус, он решил сделать глоток рыбного супа, но тот оказался еще более пресным и отдавал тиной.

Чем проще и легче блюдо, тем большего мастерства оно требует от повара. Тетушка Ли приготовила еду, которая выглядела красиво, но кулинарным талантом она явно не блистала — будь иначе, Гоу Сань-эр не нанял бы ее так быстро и дешево.

Сун Фэнсуй мысленно вздохнул, сокрушаясь о своей изнеженности, и уже собирался отставить суп. Однако краем глаза он заметил вошедшего в комнату Дуань Яня, и бросать едва тронутую еду стало как-то неловко.

Затаив дыхание, он на глазах у мужчины сделал еще один глоток и только после этого опустил пиалу.

Дуань Янь вошел в комнату и, увидев, что Сун Фэнсуй мирно обедает и не думает капризничать из-за злости, с облегчением выдохнул.

Чтобы не мешать, он молча присел в стороне и налил себе чаю.

Сун Фэнсуй съел еще пару ложек, слегка наполнив желудок, лишь бы тот не начал ныть от голода. После этого он принялся откровенно тянуть время: то подцепит палочками один кусочек, то другой, но до рта доносил еду лишь в одном случае из десяти.

Выждав время, положенное для приличного обеда, он с видом абсолютно сытого человека отложил палочки.

Однако, как только он отложил палочки для еды, чей-то взгляд упал на его голову.

— И это все?

Сун Фэнсуй слегка смутился и ответил:

— Я наелся.

Дуань Янь нахмурился:

— Две ложки яичного крема, один глоток супа, три листика зелени, четыре ломтика огурца и пол-пиалы жидкой каши. И это называется «наелся»? У тебя что, желудок как у котенка?

Сун Фэнсуй вспыхнул от стыда. Ну как можно быть таким дотошным и считать каждый кусок! Выходит, все его притворство пошло насмарку.

Он мысленно простонал: даже старая нянька, которую в детстве приставляли следить за его обедом, не была настолько строгой и въедливой.

Дуань Янь сразу понял, что этот гэр снова начал привередничать. Если он будет так питаться,

то когда вообще поправится?

Он мягко, но настойчиво попросил:

— Поешь еще немного.

Сун Фэнсуй окинул взглядом стол. Еда не вызвала у него ни малейшего желания снова взять палочки, но и прямо сказать, что стряпня тетушки Ли никуда не годится, он не мог.

Пожалуй, мало кто в мире был похож на него: он скорее согласился бы умереть с голоду, чем запихивать в себя то, что ему не по вкусу. В дороге его желудок и вкусы постоянно воевали между собой, и тогда разум побеждал, заставляя его есть ради выживания. Но сейчас, когда тело было истощено болезнью, капризный вкус брал верх над любыми доводами рассудка.

— Не лезет мне, — Сун Фэнсуй слегка отвернулся и, чтобы перевести тему, добавил: — Насмотрелся на твоих подручных, меня теперь тошнит.

Сначала он не планировал жаловаться Дуань Яню. То, как хозяин поступит с Чэнь Ху — его личное дело. Жаловаться — значит выставить себя обиженным слабаком, который ищет защиты у едва знакомого человека, с которым его ничего не связывает.

К тому же, начни он чернить Чэнь Ху, это выглядело бы как попытка рассорить их. Чэнь Ху ведь потому и вел себя так нагло, что опирался на годы дружбы с Дуань Янем, будучи уверенным, что Дуань Янь ни за что не поверит какому-то ссыльному.

Но сейчас этот негодяй оказался отличным предлогом, чтобы не есть. К тому же Дуань Янь сам видел, как тот распускал руки, так что обида юноши выглядела вполне естественно.

И действительно, услышав это, Дуань Янь нахмурился:

— Тут моя вина. Уходя, надо было предупредить Ань-гэра и тетушку Ли, чтобы никого не пускали. Не думал, что Чэнь Ху придет без спросу и так бесцеремонно напугает тебя.

Дуань Янь посмотрел на Сун Фэнсуя с легким чувством неловкости:

— К тому же сегодня я не стал наказывать его слишком строго. Там все непросто, и если сейчас просто выставить его вон, это может обернуться большими неприятностями.

Сун Фэнсуй удивленно взглянул на него.

Лицо мужчины было серьезным, и по всему видно, что дело действительно шло о каких-то скрытых трудностях, а не о банальном желании замять конфликт. Юноша шевельнул бровями, размышляя: Чэнь Ху — его старый товарищ. Даже если бы Дуань Янь сегодня встал на сторону своего человека и обвинил Сун Фэнсуя в излишней придирчивости, это было бы ожидаемо. Зачем же он так подробно оправдывается перед ним?

Судя по его словам и тону, он искренне переживал, что не смог наказать Чэнь Ху как следует, и боялся, что юноша останется недоволен.

Дуань Янь, видя, что Сун Фэнсуй снова молча разглядывает его, решил, что тот действительно затаил обиду из-за безнаказанности обидчика.

Он поспешил добавить:

— С Чэнь Ху я рано или поздно обязательно сочтусь, обещаю тебе. И пока ты остаешься здесь, я сделаю так, чтобы он больше не попадался тебе на глаза.

Сун Фэнсуй окончательно запутался в мотивах этого человека. Сейчас он сам был в положении просителя, так с чего бы Дуань Янь так трепетно оберегать его чувства?

В голове воцарился сумбур. Он рассеянно кивнул и тихо произнес:

— Пусть так, но аппетит у меня все равно пропал.

Дуань Янь посмотрел на него, мысленно вздохнул и решил больше не заставлять:

— Хорошо. Как проголодаешься — вели разогреть.

Словно боясь, что хозяин передумает, Сун Фэнсуй быстро махнул рукой, показывая Ань-гэру поскорее убрать со стола.

Дуань Янь не спешил уходить. Он спросил:

— Скажи, та трава из твоего списка, дикорастущий восьмилепестник... она обязательна? Можно ли заменить ее чем-то другим?

Сун Фэнсуй сразу понял, что восьмилепестник достать не удалось:

— Что случилось? В аптеке ее нет?

— Раньше была, но незадолго до моего прихода лавка распродала все запасы городским купцам, — пояснил Дуань Янь. — Я обошел все лавки в городке, нигде ни лян^{*} не осталось.

[*Лян (两, liǎng) — это традиционная китайская мера веса, которая также служила денежной единицей, особенно в виде серебряных слитков; её значение варьировалось, но сейчас в материковом Китае он равен 50 граммам (1/10 цзиня).]

Сун Фэнсуй нахмурился. Он хорошо разбирался в медицине и знал, что подофилл токсичен, поэтому обычные лекари редко добавляли его в рецепты. Неудивительно, что в таком захолустье его не сыскать.

Однако земли провинции Гуйчжоу изобилуют глубокими ущельями и лесами, это естественная среда для этого растения. И хотя сейчас не сезон для сбора, в местных лавках должны были остаться старые запасы, но надо же было случиться такому невезению.

Без этой травы лекарство не подействует как надо!

Заметив, как помрачнел юноша, Дуань Янь понял, что это ключевой компонент.

— Ты только не волнуйся. Раз она необходима, я продолжу поиски. Возможно, у кого-то из деревенских травников или крестьян найдутся домашние запасы.

— На это уйдет слишком много времени... — тихо произнес Сун Фэнсуй. При мысли о болезни деда его сердце сжималось: каждый день, проведенный стариком в мучениях, подтачивал его и без того слабые силы. Но поскольку он сам полностью зависел от чужой помощи, он не мог

требовать от Дуань Яня невозможного — ведь расспрашивать крестьян по деревням было делом самым долгим и изнурительным.

Дуань Янь заметил его тревогу и только собирался что-то сказать, как в комнату вернулся Ань-гэр:

— Господин Дуань, вернулся господин Гоу.

Сун Фэнсуй знал, что тот ездил к деревне Лю, и его брови мгновенно взлетели вверх.

Дуань Янь понимал, как юноша ждет вестей, и не стал томить его ожиданием. Он повернулся к слуге:

— Позови его сюда.

Когда Ань-гэр уже подходил к дверям, Дуань Янь окликнул его:

— Пусть сначала хорошенько вымоет руки и лицо, и только потом заходит.

Он опасался, как бы Гоу Сань-эр, вернувшись из карантинной зоны, не принес заразу в дом и не заразил и без того слабого Сун Фэнсуя.

Спустя несколько минут чисто умытый Гоу Сань-эр вошел в комнату и почтительно поклонился.

— В семье Сун все в порядке. Как только старый господин Сун слег с лихорадкой, домашние по вашему совету сразу изолировали его и ухаживают со всей осторожностью. На сегодняшний день больше никто в доме не заразился.

Сделав небольшую паузу, он с виноватым видом добавил:

— Вот только из-за вашего внезапного исчезновения все домашние места себе не находят от беспокойства. Госпожа Сун от тревоги слегла в постель.

Он не стал распространяться о том, что родственники Сун Фэнсуя несколько раз ходили искать его к усадьбе на окраине деревни и там дело доходило до стычек. Той усадьбой всегда заправлял Чэнь Ху, а его люди вежливостью не отличались — когда отец Сун Фэнсуя пришел расспрашивать о сыне, тамошние амбалы его избili.

Гоу Сань-эр понимал, что рано или поздно молодой господин обо всем узнает, поэтому не стал рисовать совсем уж радужную картину, но и сгущать краски в присутствии Дуань Яня не решился. О таких вещах не стоило говорить при хозяине.

Сун Фэнсуй, услышав, что эпидемия не выкосила его семью, немного успокоился. Однако он не спешил верить Гоу Сань-эру на слово и строго спросил:

— Откуда тебе все это известно?

— В самую деревню ходу нет, — ответил Гоу Сань-эр. — Мне пришлось изрядно задобрить стражников на оцеплении, чтобы разузнать вести.

Понимая, что одним словам молодой господин не поверит, он поспешно вытащил из широкого рукава бережно сложенное письмо и протянул его Дуань Яню:

— Вот, господин, это письмо от домашних молодого господина Суна. Он сам все увидит.

Дуань Янь передал письмо Сун Фэнсюю. Тот поспешно развернул бумагу, сразу узнав родной почерк, и пробежал глазами по строчкам.

Слов в письме было немного, но все сходилось с рассказом Гоу Сань-эра: больше никто в доме не заболел. О болезни матери авторы письма умолчали, зато каждая строчка была наполнена тревогой за него и наказами беречь себя. В конце упоминалось, что они получили рис и муку, так что провизии им хватит на какое-то время, и просили его не беспокоиться.

Сун Фэнсуй нахмурился и удивленно вскинул глаза на Гоу Сань-эра:

— Провизия?

Гоу Сань-эр, услышав вопрос, понял, что семья упомянула об этом в письме, и невольно перевел взгляд на Дуань Яня.

— Раз уж деревню заблокировали, крестьянам приходится туго, едят только то, что припасено дома, — спокойно объяснил Дуань Янь, заметив его замешательство. — Ваша семья прибыла в деревню недавно, своей земли у вас нет, так что с продовольствием наверняка возникли трудности. Вот я и велел Гоу Сань-эру передать им немного припасов.

Дуань Янь не говорил об этом заранее, чтобы не обременять юношу чувством долга, но раз уж все раскрылось, отпираться не имело смысла.

Сун Фэнсуй крепко сжимал в пальцах письмо. Семье действительно приходилось несладко в плане еды, и он никак не ожидал, что Дуань Янь проявит такую дальновидность и позаботится о них. На душе у него стало невыразимо тепло и смятенно.

— Благодарю.

— Не стоит, дело нехитрое, — отмахнулся Дуань Янь. — Раз уж с твоими близкими все в порядке, тебе нужно сосредоточиться на собственном здоровье и восстанавливать силы. А я тем временем займусь поисками оставшейся травы.

У Сун Фэнсюя слегка защемило в носу. Мысли о доме всегда были его самым уязвимым местом.

Он послушно кивнул, соглашаясь со словами Дуань Яня, и заставил себя успокоиться, смиренно ожидая вестей о лекарствах.

—

<http://bllate.org/book/17884/1719954>